

ЦЕРКОВЬ ПРИБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК
сентябрь/октябрь 2019 г.

Transfiguration of Our Lord Russian Orthodox Church

2201 E. Baltimore Street • Baltimore, Maryland 21231
Настоятель: Протоиерей Иоанн Барбус, тел.: (202) 386-25-61
Церковные запросы: (240) 997-98-38
Интернет: www.holy-transfiguration.org

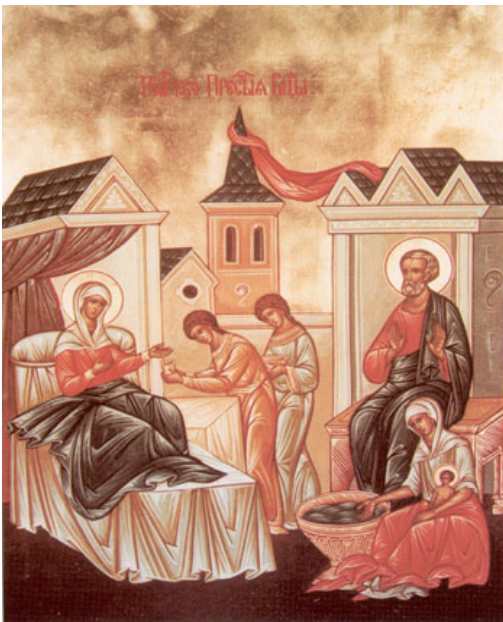
НАДЛЕЖАЩЕЕ ВРЕМЯ

Слово на Рождество Пресвятой Богородицы

В службе праздника Рождества Пресвятой Богородицы есть такие слова (в русском переводе): «Ко Господу в скорби неплодства воззвали богомудрые родители Богоматери, и родили Ее в роды родов, на общее спасение и похвалу».

Вдумаемся в этот момент, дорогие братья и сестры. Вот перед нами праведные Иоаким и Анна — верующие и благочестивые, верные супруги, происходящие из царского и священнического рода, богобоязненные, соблюдающие заповеди Божии, известные своим смирением и милосердием. И эта образцовая пара подвергается осмеянию и презрению со стороны окружающих! Почему же? А потому, что годы идут и идут, и вот они уже дожили до глубокой старости, а Господь все не дает им детей.

В те времена каждый иудей надеялся через свое потомство быть участником в царстве Мессии. Поэтому каждый иудей, не имеющий детей, был в презрении у других, т. к. неплодство считалось великим наказанием Божиим за грехи. Особенно тяжело было Иоакиму, как потомку царя Давида, потому-что из его рода должен был родиться Христос-Спаситель.

И что же делают праведные Иоаким и Анна? Несмотря на долголетнее поношение окружающих, они не ропщут на Бога, не оставляют своей добродетельной жизни, а продолжают смиренно терпеть, терпеть и надеяться, надеяться и — несмотря на глубокую старость — верить в милость Божию. Они, как говорится в стихире, в скорби своего неплодства взывают ко Господу, т.е. слезно Ему молятся.

И какой же результат этого смирения, терпения, веры, надежды и молитвы? Опять нам дает ответ церковная стихира: они, богомудрые родители, получают небесный дар от Бога — Ты, Которая превыше самих херувимов, Которая является родительницей Бога-Слова, — и они родили Её в роды родов, на общее спасение и похвалу.

Вот какого величайшего дара сподобились праведные Иоаким и Анна — они родили Богоматерь, Пресвятую Деву Марию, и в Ее рождении и сами прославились на все века!

Но почему же так долго пришлось им ждать? Господь не наказывал их за грехи — они и так были праведны и чисты; Господь не испытывал их терпение и смирение — они и так проявляли эти качества сполна. Нет, дорогие братья и сестры, им пришлось так долго ждать утешения,

пока не настало надлежащее время. Вот в этом и ключ — они ждали **пока не настало надлежащее время**.

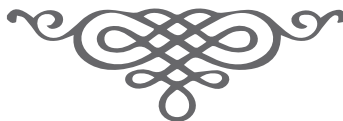
Пресвятая Богородица, как будущая Матерь Бога, должна была быть чистейшим сосудом какой только может быть в человеческом роде. А для этого Она должна была произойти от чистейших родителей; вот поэтому и пришлось святым Иоакиму и Анне ждать, пока они не очистятся от всех человеческих страстей путем смирения, терпения и возраста старости. И вот, когда наступило надлежащее время, они — покорно принявшие волю Божию и ту долю, которую Господь им определил, — и сподобились такого дивного утешения.

Не так-ли бывает и в нашей жизни, дорогие братья и сестры? Мы часто находимся в состоянии как бы духовного неплодства: подвергаемся скорбям или житейским трудностям, и молимся Богу, а как будто не получаем избавления; или просим об исполнении какого-нибудь благого желания — и оно все никак не исполняется. И вот мы начинаем думать, что это наказание за грехи — и впадаем в уныние или отчаяние, начинаем терять надежду, начинаем даже роптать на Бога.

Нет, дорогие братья и сестры! Господь часто медлит с исполнением наших просьб не потому, что Он не слышит наших молитв или наказывает нас за грехи, а потому, что **не пришло еще время**. Мы не знаем Промысла Божия о нас, а Господь сразу видит всю нашу жизнь, знает что и когда нам нужно, что и когда лучше для нас сделать.

Поэтому возьмем пример с праведных Иоакима и Анны: будем терпеливо ждать, терпеливо молиться, будем покорно принимать волю Божию, будем иметь полную надежду на милость Божию к нам, веру в то, что Господь слышит все наши молитвы, все наши воздыхания, видит все наши скорби, знает все наши нужды, и что Он пошлет **что** нам нужно **когда** нам нужно. Аминь.

Иерей Ростислав Женилов

О ТРЕХ СОСТАВАХ ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА И НАШЕГО ЖИТЕЙСКОГО КРЕСТА

Ныне мы прославляем Животворящий Крест Господень. Не лишне, братие, вспомнить о том, как Церковь и как святые отцы и наставники благочестия учат нас смотреть на Животворящий Крест и на несение креста.

Великий наставник веры и благочестия в нашем народе, Святитель Феофан Затворник, говорил, что крест Христов трехсоставен. Тот крест, который христианин должен нести в своей жизни, тоже трехсоставен, подобно тому, как само дерево Креста, еще по предсказанию пророческому, состояло из трех сортов деревьев (кипариса, сосны и кедра). Так и в несении креста мы видим три стороны, как бы три креста, которые сливаются в один.

Первый из этих крестов — это крест падшего человечества. О нем коротко, точно и сильно сказал св. апостол Павел, который говорил о себе: «Не знаю, что делаю: доброго, которого хочу — не делаю; злое, которого не хочу — делаю». И человек является пленником своего греха — это грех падшего человечества, от которого никто уйти не мог, о котором говорил тот же Святитель Феофан: «Представьте себе человека, у которого за плечами крепко привязан разлагающийся смрадный труп: куда бы он ни побежал, куда бы он ни сунулся, он не уйдет от этого страшного смрадного разложения. Он будет его неотступно преследовать, неотступно блюсти».

Второй крест это то, что обычно понимаем под крестом житейским: это сочетание всех скорбей, всех неприятностей, всех затруднений, которыми так богата наша жизнь. Это именно и понимается как ношение креста. Но этим еще не исчерпывается все.

Святые отцы говорят: вот человека окружают скорби, болезни, неприятности. Как только он всем сердцем, всей душой предоставит себя на волю Божию, сказав, что Господь делает все хорошо, а поэтому что бы ни посылалось ему на этом крестном пути, принимает все это за благо — как только он это скажет в сердце своем (говорил Святитель Феофан), все как по волшебству сгинет. Вокруг него все то же: те же скорби, те же волнения, но он переменялся и все это принимает совсем по-другому. Так должен поступать человек с твердым убеждением, что Отец Небесный вместо хлеба камень не даст.

Если Он посылает какой-то крест и затруднения, значит это надо и оно нам на пользу. Старец Амвросий Оптинский говорил: «Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст, а Бог все делает хорошо».

Последний вид креста: про него Святитель Феофан говорил со свойственным ему глубоким смирением. Он говорил: «Тот крест ведом только тем, кто уже на высоком духовном уровне. Он уже преодолел все соблазны, он уже легко преодолевает все нестроения. А есть соблазны высшие, соблазны гордыни, соблазны превозношения перед другими, соблазны считать себя, через труды и подвиги, лучше и выше других. Это крест самый тяжкий и его знает только тот, кто с трудом, но преодолел его».

Святитель Феофан говорит, что христианин должен быть крестоносцем. Ведь жизнь человека начинается под крестом: его крестят и крестик надевается на него в самый момент его вступления в светлое таинство крещения. Когда его погребают, крест с ним, а над могилой также ставят крест, указывающий на то, что здесь похоронен верующий христианин.

Будем же это помнить, возлюбленные, и будем носить крест, который укрепляет человека и спасает его в трудностях житейских. Не забывай, душа христианская, о силе крестной, и Господь всегда силой Креста Своего сохранит тебя от всякой напасти. Аминь.

Митрополит Филарет (Вознесенский)

ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОГО ВЕРОУЧЕНИЯ

I. О Боге в Самом Себе, как Едином по Существу

Обращаясь к разбору первого догмата, о Боге в Самом Себе, скажем несколько слов о границах или степени возможного для человека познания Бога.

Послушаем что сама Церковь говорит о границах нашего познания Бога.

Полное познание Бога невозможно. Частичное же познание Бога постольку, поскольку Он Сам Себя открыл человеку, не только возможно, но и должно. Да оно и понятно. Если мы не можем понять совершенно близкого человека, то как же мы можем охватить своим малым, ограниченным умом Бесконечное и Абсолютное Начало, т.е. Бога в Самом Себе, в Его исключительной Божественной сущности?

Истина непостижимости сущности Божества во всей полноте подтверждается многочисленнейшими свидетельствами Слова Божия. Через весь Ветхий и Новый Завет золотой нитью проходит предупреждение горделивому уму человеческому, что полное познание Бога только у Самого Бога, ибо *«Бог во свете живет неприступном, Его никто от человек не видел и не может видеть»*, как говорит Апостол Павел (1 Тим. 6, 16).

Отцы Церкви на основании здравого смысла доказывали непостижимость Божественной сущности. Как глаза наши не могут выдержать солнечного света, так и ум наш не может увидеть Лицо Божие и остаться живым. Наше ограниченное духовное око, да еще омраченное грехом, не может вполне воспринимать лучи Божественного Света, исходящего от Его Божественной сущности. Да если бы Бог был постигнут конечным существом, то Он уже не был бы Бесконечным. Но ни в одном самом богатейшем языке мира нет такого слова, чтобы им, одним этим словом, можно бы было определить сущность Божества, Его Божественную природу.

Однако, если бы частичное познание Бога было бы для нас невозможно, то суетна была бы и проповедь Евангельская. «Для нашего блага и спасения довольно того, если мы знаем Бога Единого, Сущего, Вечного»,— говорит св. Кирилл Иерусалимский.

Удивительно точное определение границ познания Бога человеком дает Апостол Павел. Невидимого Бога мы видим «как в зеркале, в гадании». Что это значит? Бога мы видим как в зеркале, т.е. Его отражение в зеркале созданного Им мира, а не лицом к лицу, как мы видим другие предметы. Но в зеркале все-таки можно узнать предмет, а Бога мы видим хотя и в зеркале, но в «гадании», т.е. неясно, сумрачно, в виде загадки, которую надо еще разгадывать. Отсюда, говорит Апостол Павел, наше познание Бога частичное, несовершенное. В познании Бога *«мы верою ходим, а не видением»*.

Непостижимый по существу Своему Бог Сам благоволил открыть Себя в созданном Им мире, в котором так ясно отражена Его *«присносущная сила и Божество»* (Рим 1, 20). Особенно же от-

крыл Себя Бог в сверхъестественном откровении Ветхого и Нового Завета. Едва ли не самым кратким выражением сути познания Бога в Самом Себе являются слова св. Афанасия Великого: «Вера вселенская сия есть: да Единого Бога в Троице и Троицу в Единице почитаем, ниже сливающе ипостаси, ниже существо разделяюще». Таким образом, учение о Боге в Самом Себе распадается на два частных догмата: (1) о Боге, Едином в Существе и (2) о Боге, Троичном в Лицах. Сосредоточимся же сперва на учении о Единстве Божиим.

Бог Един, но не в том смысле, как каждая вещь в ряду других вещей одного рода. Ведь в таком смысле каждый языческий бог мог бы быть назван единым. Единство же Истинного Бога точнее означает Единственность.

«Когда мы говорим, что Восточная Церковь верует в Единого Бога, Отца, Вседержителя, то надобно разуметь здесь, что Он именуется Единым не по числу, но всецело» — как говорит св. Климент Александрийский. Нет другого Бога, ни равного, ни высшего, ни нисшего, а есть Он Единственный Бог. И если на заре человечества, в младенческий период развития ума человеческого, люди считали приемлемым для себя верить во многих богов, то в откровении Ветхого Завета уже ярко подчеркивалось Единство Божие. Когда иудеи впадали в идолопоклонство, Бог снова напоминал им о Своем Единстве: «Я есмь Господь Бог, Я есмь первый, кроме Меня нет Бога».

Даже многобожники-язычники, сами того не замечая, сохранили в своих верованиях мысль о Едином Высшем Существе, считая всех своих богов нисшими и подчиняя их Высшему Неведомому Богу. Святой Апостол Павел свою знаменитую речь в афинском ареопаге начал повествованием о том, как он, проходя по городу, среди многочисленных идолов заметил жертвенник Неведомому Богу. «Вот этого-то Бога, — так начал свою речь Апостол Павел, — Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17, 22-23).

Рассматривая видимый мир, отцы Церкви и в самом устройстве мира видели отражение Единого Творца, ибо мир тоже один. В устройстве всех его частей, больших и малых, замечается единство и гармония, где все течет по определенным законам, стремится к определенным целям, одно поддерживается другим и все содействует благу и порядку единого целого, а это и свидетельствует о Единстве его Строителя и Управителя.

II. О Боге, Троичном в Лицах

Христианское учение о Боге в Самом Себе далеко не исчерпывается учением о Боге, Едином по Существу. До понятия об Единстве Бога доходили выдающиеся мыслители глубокой, до-христианской древности; в Единого Бога веруют иудеи, магометане, многие философские системы и все инославные, а не только православные христиане. Из Откровения мы более подробно узнаем о жизни Бога в Самом Себе. Нам открывается совершенно недостижимый нашей логикой догмат о Пресвятой Животворящей и Нераздельной Троице. Учение о Троичности Лиц в Боге — это самый

коренной догмат подлинного и полноценного вселенского христианства. Тайна Пресвятой Троицы — это сердце всей христианской догматики; это основа домостроительства спасения рода человеческого. Если догмат о воплощении Сына Божия св. Апостол Павел называет великой тайной, то догмат о Троичности Лиц в Боге есть таинство всех таинств.

Учение о Пресвятой Троице — это исключительно христианский догмат, додуматься до которого никогда не могла ни одна философская система, ни одна религия в мире. Это служит неоспоримым доказательством, что христианская религия не есть результат собственного философского мышления. Это религия сверхъестественного происхождения. Только Сам Бог мог открыть эту непостижимую, но действительную истину о Самом Себе, в Его исключительной Божественной жизни. В самом деле, разве человек мог выдумать то, что он не может объять своим разумом, не может понять, как это в Одном Боге Три Лица. Причем, каждое Лицо есть Бог: и Отец есть Бог, и Сын есть Бог, и Дух Святой есть Бог. Однако, не три Бога, но Един Бог. Много усилий было сделано горделивым умом человека, чтобы проникнуть в постижение тайны о Пресвятой Троице, но все эти попытки, по мнению Блаженного Агустина, напоминают попытку ребенка, захотевшего «железной банкой вычерпать море и вылить его на сушу».

Мы не удивляемся, когда этот догмат отрицают рационалисты и вольнодумцы, базирующиеся только на своем естественном логическом мышлении, не признавая при этом никакого Божественного авторитета в Священном Писании. Но совершенно непонятно, почему некоторые инославные христиане, признающие Богооткровенное происхождение св. Библии, отрицают догмат Троичности Лиц в Боге, несмотря на многочисленные свидетельства Слова Божия о тайне Пресвятой Троицы.

Правда, учение о Троичности Лиц Божества, открытое со всей ясностью в Новом Завете, открыто несколько прикровенно в Ветхом Завете.

Это потому, что Господь, как говорят святые отцы, постепенно подготовлял ограниченный, да еще поврежденный грехом, ум человеческий к познанию Бога в Самом Себе. В древности открытое учение о Троичности Лиц в Боге могло быть истолковано в пользу многобожия, к которому были склонны не только язычники, но и Богоизбранный народ иудейский, не раз впадавший в идолопоклонство даже при всей ясности открытого ему учения о Единстве Бога. Весьма знаменательно, что в самые важные моменты Библейской истории мы находим уже в Ветхом Завете ясное указание на Троичность Лиц в Едином по Существу Боге. Перед сотворением человека происходит совет во Святой Троице: *«И сказал Бог, сотворим (множественное число) человека по образу Нашему и по подобию»*, а дальше Бытописатель продолжает: *«и сотвори (уже единственное число) Бог человека, по образу Божию сотвори его»* (Бытие 1, 26–27).

Перед смешением языков и рассеянием людей после столпотворения вавилонского, читаем: *«И сказал Господь, придите и сойдя смесим языки их»*, а дальше читаем: *«И смесил Господь и рассеял их оттуда по лицу всей земли»* (Быт. 11, 7–8). Таким образом, к Кому относится *сотворим*,

смесим, к Тому же относится и *сотворил, смешал*. «Видите ли, — говорит Блаженный Августин, — Авраам увидел трех, а поклоняется Единому. Увидев трех, он уразумел таинство Святой Троицы, а поклоняясь Единому, он исповедал Единого Бога в Трех Лицах».

Что же касается Нового Завета, то в нем дано уже целое множество свидетельств о Троичности Лиц в Боге. Спаситель отправляет на проповедь Своих учеников, чтобы они научили *«вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа»* (Мф. 28, 19). В Крещении Господнем открыто является людям Святая Троица: Бог Сын крестится в Иордане, Бог Отец подает голос свыше, а Бог Дух Святой сходит с небес в виде голубя. Святой Иоанн Богослов со всей ясностью подчеркивает Троичность Лиц Божества при Единстве Их Сущности: *«Трое свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и эти трое суть едины»*.

Учение о Троичности Лиц в Боге единогласно подтверждается святыми отцами различных времен: учителями первого века (св. Апостолы, св. Климент Римский, Игнатий Богоносец), второго века (св. Иустиниан, Афинагор), третьего века (Климент Александрийский, Ориген). В сохранившихся актах мучеников запечатлено их предсмертное исповедание Пресвятой Троицы. В древнейших символах веры (иерусалимском, римском, кесарийском, в символах Афанасия Великого) мы находим точнейшее изложение этого труднейшего догмата Церкви.

Преклоняясь перед непостижимым, но ясно открытым человеку догматом Троичности Лиц в Боге, мы позволяем себе думать, что Богу угодно было открыть человеку этот догмат, чтобы помочь ему иметь хотя бы самое слабое представление о жизни Бога в Самом Себе. В этом догмате мы узнаем, что у Бога есть Своя, исключительно Божественная жизнь вне отношения Его к созданному миру. Неведомая для нас вся полнота внутренней жизни Бога в Его триипостасном Существовании постигается нами в этом догмате как совершенная, неисчерпаемая Божественная Любовь. Через тайну Троичности становится нам более понятной и тайна воплощения Сына Божия и сошествия Святого Духа на Апостолов. Получается законченное, стройное христианское мировоззрение, какового не найти ни в одной другой религии.

Через тайну Троичности раскрывается, что Бог есть Любовь. Эта Любовь Божия проявилась не только в творении и промыслении о мире, но в своей совершеннейшей и безграничной полноте она вечно пребывает в самом лоне Божества. В Боге от вечности была жизнь неисчерпаемой любви, вечное общение святой любви Отца, Сына и Святого Духа.

О, как мы должны радоваться, что Господь открыл нам этот догмат! Христианский Бог Един, точнее Единственный во всей вселенной; но не одинок! Отца и Сына и Святого Духа, троицу Единую и Нераздельную прославляет вселенская Христова Церковь! *Видехом свет истинный, прияхом Духа Небесного, обретохом веру истинную, нераздельней Троице поклоняемся, Та бо нас спасла есть* (стихира из службы на Троицу, поемая за каждой литургией).

Профессор Г. А. Знаменский

ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ

Званные и избранные

В одном из воскресных Евангельских чтений мы слышим притчу о браке Царского Сына.

В прямом историческом смысле эта притча относится к еврейскому народу, званному, но пренебрегшему почестью небесного своего звания. Но, как и все Евангелие вообще, она не ограничивается одним этим смыслом, а содержит еще и иную глубину.

Кроме образа отвергшегося народа еврейского в этой притче находим мы и иной образ — человека пришедшего на брак, но не имеющего одеяния брачного. В этом образе поистине тайна спасения человеческого. Здесь раскрытие истины, что для спасения человека недостаточно только одного пребывания среди званных. Нужна еще и «своя» одежда, т.е. личный подвиг жизни, из званного делающий избранным.

Для того, чтобы обрести часть в небесном Царствии, нельзя только внешне пребывать в Церкви. Церковь есть Тело Христово, а не только внешняя организация. Поэтому и подлинное общение с Церковью совершается через личный подвиг каждого из нас.

Когда Господь изгонял прародителей из рая, Он их облек (вернее сами себя они облекли) в одежды «кожаные». Одежда кожаная и есть одежда плоти, враждующей с Богом, одежда не брачная, препятствующая нам быть на браке Царского Сына. И подвиг жизни — в совлечении этой одежды, в просветлении, в очищении и освящении благодатью Святого Духа.

Ибо званный только тогда становится избранным, когда сам идет навстречу Богу, призывающему его в Свою Церковь, в Свое благословенное стадо.

Широки возможности служения Богу на всех поприщах человеческого служения. Еще бо-

лее точно явил это Господь в прощальное беседе Своей с учениками: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюся ему Сам». В этих словах Господь обещает явиться всякому (без различия его служения), кто соблюдает Его заповеди — заповеди любви и чистоты.

Задумаемся же, братие, над брачною одеждой и над истинным пребыванием в Церкви и, быть может, это размышление заставит нас многое пере-менить в жизни нашей для того, чтобы оказаться не только званными, но и избранными на благословенном браке Царского Сына в Царствии Его.

(Иеромонах Мефодий, «Перед очами Божией правды»)

ХРИСТОС ПЕРЕД СУДОМ ПИЛАТА

Заключение

Когда апостолы, по сошествии на них Святого Духа в горнице сионской, укрепились силою Божественною, то пошли и проповедывали везде об Иисусе Христе, начиная от Иерусалима, при Его содействии и подкреплении слова последующими знамениями.

Ужасно было состояние человеческого рода до пришествия в мир Господа Иисуса Христа. Всякая Божественная истина была тогда отвергнута и предана забвению, а само богопочитание превращено в поклонение тварям и служение страстям человеческим. В самом народе, избранном от Бога, не было от ног до головы целостности, как указывает Сам Господь. Довольно вспомнить как грозно обличал Он иногда самих учителей и вождей народа иудейского, в каком страшном виде являл Он внутреннее их безобразие. Но как скоро совершилось спасение рода человеческого страданиями и смертью Богочеловека, — быстро по всей вселенной начало распространяться поклонение истинному Богу, везде стали разрушаться идольские капища и воздвигаться храмы в честь едиnorodного Сына Божия, а у многих народов явилась равно-ангельная жизнь, презрение земных благ, пренебрежение смерти, великие телесные подвиги и разнообразные духовные совершенства. Откуда же все это явилось в роде человеческом, покрытом дотоле тьмой неразумия?

И что еще — судя по-человечески, возможно ли было ожидать, чтобы незначительное число бедных, бесславных, неизвестных рыбаков обратило к новой вере почти весь мир? Кто мог подумать, чтобы апостолы, проповедуя Христа распятого, для иудеев соблазн, а для эллинов безумие (1 Кор. 1, 23), обратили к вере в Распятого и тех и других? И притом, при каких еще неисчислимых препятствиях! Проповедники не только были презираемы и гонимы отовсюду, и не только сами терпели различные обиды — и от сродников, и от язычников, и в городах, и в пустынях, — но и всем желающим по вере их получить спасение предвещали в этой жизни многие скорби и напасти. Все это не показывает ли на деле то самое, что и Гамалиил, благо-рассуднейший учитель иудейский, говорил, что если это дело от Бога, то никто не сможет разорить его?

Всё свидетельствует о Божестве Господа нашего Иисуса Христа, — и Его необыкновенное учение, и Его дивные чудеса, и даже распространение веры в Него показывает, что Он вовсе не человеческие средства употребил в спасении душ человеческих. Кроме всех пророческих свидетельств о Спасителе мира, в совершенной точности исполнившихся над Иисусом Христом, являет о Нем само Его учение, которое вовсе не соответствует греховным склонностям человеческим. Он учил не тому, что приятно чувственности тела, но, напротив, ее-то и велел презирать и отвергаться самого себя. Он запрещал людям всякое мщение и памятозлобие, требовал же кротости и терпения, советовал за зло платить добром и любить всякого, как самого себя, любить даже врагов, и молиться за них, как точно за своих благодетелей. Сверх того запрещал Он не только всякие худые дела, но даже и желания, и помышления о них. И что же за все это Он обещал? — Ничего земного, ничего скоропреходящего, такого, что льстит уму человеческому, но все Свое воздаяние Он отлагал до невидимой будущности, до небесной, будущей жизни.

И достойно удивления — кого же Он избрал для распространения Своего учения, столь несогласного с желаниями человеческими? Князей ли мира сего или великих завоевателей? Совсем нет! Но кого? Бедных, не имеющих иногда и пропитания, рыболовов, людей без всякого имущества и внешнего образования. Вот кого Он избрал Себе в поспешники! Вот какие определены быть Его посланниками! И чем же Он привлек их к последованию Своего учения? Что заставило их повиноваться Ему, Который Сам не имел где голову приклонить? Одно только, одно обещание будущих благ, при котором еще требовалось самопожертвование и лишение даже последних временных благ. Он Сам не имел ни богатства, ни почестей, которых мог бы разделить с ними, но призывал их одним словом Своим, — и за последование Ему определял в этой жизни одни лишь гонения, презрение от мира, и даже мучения и страдальческую смерть. Однако же сила Божия, всегда совершающая необыкновенные дела, заставила многих и многих оставить все, притекать к Нему и последовать за Ним везде.

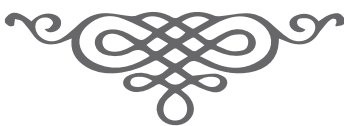
А как же эти малограмотные посланники Христовы распространяли в мире учение и веру в Спасителя? Как они могли оспорить мнения многих ученых, опровергнуть предрассудки са-

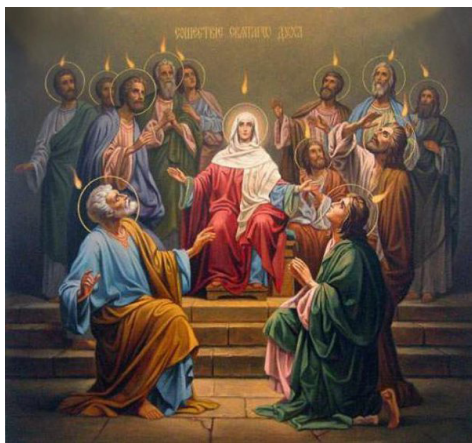

моуверенных язычников и искоренить их лживые суеверия? Не человеческими словами, — говорил один из них, — мы побеждаем мир, но силою Божией истины. В чем же состояла эта истина? В том она заключалась, что проповедуемый ими Иисус есть Христос Бог истинный; и хотя, по собственному признанию их, эта истина казалась для неверных иудеев совершенной ложью, и даже каким-то безумием перед человеческим рассуждением эллинов, но при всем том истина восторжествовала в мире.

Чем же она утвердилась во всех народах? Как распространилась среди ученых и неученых? Что привлекло к вере в Распятого самых благоразумнейших из сынов человеческих? Ничего иного не видим, кроме той же всемогущей и неодолимой Божией силы. Посланники Распятого призывали всех только к одной вере; они возвещали и не могли даже сами объяснить, как проповедуемый ими Бог есть в трех лицах — Отец, Сын, и Святой Дух; как Дева соделалась Матерью Сына Божия, не переставая быть нетленною Девой; как беспредельное и всеблаженное Существо облеклось в плоть человеческую, приняло телесные немощи, жило в крайней бедности и наконец пострадало плотью и душой человеческой, как бы за свои великие злодеяния, и подверглось смерти, как бы будучи смертным; как после трех дней ожило и вознеслось на небо со славой, и всем верным непрестанно подается под видом хлеба и вина в собственной Своей плоти и крови. Такие непостижимые тайны, без сомнения, не имели в себе ничего привлекательного для людей, желающих всегда знать обо всем со всей точностью. Как же вера могла покорить свободное мышление человеческое? — Силою всемогущего Господа нашего, в Которого мы веруем, ради нас сшедшего с небес и воплотившегося, и распятого, и погребенного, и в третий день воскресшего, и восшедшего на небеса, и сидящего одесную Бога Отца! Его всемогущею силою все это совершается. Ему слава и честь со Отцем и Святым Духом во веки. Аминь.

Священник Григорий Дьяченко

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

8-го октября (25-го сентября по старому стилю) Церковь торжественно празднует память великого русского святого, **преподобного Сергия, Радонежского чудотворца**.

В 1314 году от благочестивых бояр Кирилла и Марии, живших близ Ростова Великого, родился сын Варфоломей. Младенец отказывался от молока матери по средам и пятницам и в те дни, когда Мария вкушала мяса. Семи лет Варфоломея отдали учиться вместе с братьями Стефаном и Петром. Несмотря на прилежание, Варфоломею грамота не давалась, и он со слезами молился о даровании «разумения в учении книжном».

Однажды Варфоломей увидел в поле под дубом молящегося монаха. Окончив молитву, старец ласково спросил: «Что тебе надобно, чадо?» Варфоломей отвечал: «Помолись за меня Богу, попроси, чтобы Он открыл мне учение книжное». Старец совершил молитву, дал отроку частицу просфоры и сказал: «Возьми это, чадо, и съешь. Это дается тебе в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания». Инок посетил дом Варфоломея, благословил его родителей и велел Варфоломею читать Псалтирь. Мальчик стал стройно читать псалмы.

Отрок Варфоломей встречается инок. Картина М. Нестерова.

Около 1328 года Кирилл и Мария переселились в Радонеж. Братья Варфоломея избрали супружескую жизнь, а он желал удалиться от мира и посвятить себя Богу. Незадолго до кончины родители преподобного приняли монашеский постриг. Овдовев, Стефан также принял иночество. Похоронив родителей, Варфоломей и Стефан удалились в глухой лес, и в 12 верстах от Радонежа построили келью и небольшую церковь во имя Пресвятой Троицы. Вскоре, не выдержав трудностей пустынного житья, Стефан ушел в Москву, в Богоявленский монастырь. 7-го октября 1337 года Варфоломей принял постриг с именем Сергия. Весть об иноке Сергии распространилась по окрестностям и вскоре собралось 12 братий. Вокруг церкви были построены келии и обнесены для защиты от зверей высоким забором.

Так было положено начало Троице-Сергиевой лавре (1337). Здесь долго не было ни игумена, ни священника. Преп. Сергий, по смирению, не принимал священный сан. Он сам строил, пек хлеб, готовил пищу, шил одежду и обувь для братии, носил воду. В 1354 году, после неотступных просьб, преподобный принял священство и был возведен в сан игумена. Каждый день он совершал Божественную литургию.

Число братии увеличилось. Вокруг обители начали селиться и миряне, которых привлекала молва о даре чудотворения игумена. По молитвам его у стен обители забил источник, был воскрешен умерший отрок, исцелен бесноватый вельможа. Господь прославил Своего угодника и даром прозорливости.

Святитель пермский Стефан, близкий друг преподобного, однажды путешествовал в Москву. Проезжая недалеко от обители, он остановился, сотворил молитву и поклонился в сторону монастыря со словами: «Мир тебе, духовный брат». Преп. Сергий в это время находился на трапезе с братией. Провидев это духовными очами, он, помолившись, поклонился в сторону, где находился святитель, сказав: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобой!» Братия удивились, а преподобный объяснил значение этих слов и назвал место, где останавливался святитель Стефан.

Однажды ночью, стоя на молитве, преподобный услышал зовущий его голос и увидел сияющий с неба чудный свет и множество прекрасных птиц. Таинственный голос говорил: «Господь принял твою молитву о детях твоих духовных. Так умножится число учеников твоих, и после тебя не оскудеют они, будут они украшены великими добродетелями, если последуют стопам твоим». Это исполнилось еще при жизни преподобного. Его ученики основали множество монастырей на Руси.

В обители всегда находили пристанище и пищу странники, нищие и больные. По словам первого составителя жития св. Сергия, «рука Сергиева простерта была к нуждающимся как река многоводная». Ученики его видели Ангела, сослужившего их игумену во время литургии, а также огонь, окружавший алтарь и преп. Сергия, и огонь, вошедший во время причащения преподобного в Святую Чашу.

Однажды ночью преп. Сергий со своим келейником, преподобным Михеем, сподобился посещения Пресвятой Богородицы вместе с апостолами Петром и Иоанном. Пречистая Дева сказала: «Не ужасайся, избранник Мой, Я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя об учениках твоих; не скорби больше и об обители твоей: отныне она будет иметь изобилие во всем, и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоем к Богу. Я неотступна буду от места сего, и всегда буду покрывать его».

В 1380-м году, готовясь к походу против Мамая, св. князь Димитрий Донской посетил обитель Живоначальной Троицы, получил совет и благословение преп. Сергия. Преподобный сказал: «Иди, господине, небоязненно! Господь поможет тебе на безбожных врагов. Победиши враги твоя». В помощь князю преподобный дал иноков схимников — Александра (Пересвета) и Андрея (Ослябю), бывших ранее воинами.

Преп. Сергий благословляет князя Димитрия на битву с татарами

8-го сентября 1380 года, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, русские воины одержали на Куликовом поле победу, положив начало освобождения Руси от монголо-татарского ига. Во время битвы преп. Сергий собрал в церковь всю братию и возносил Господу молитвы об успехе сражения, а затем принес благодарение Богу за дарованную победу.

Преп. Сергей содействовал примирению враждовавших удельных князей, убеждая их силою кроткого и смиренного слова подчиняться московскому князю.

За шесть месяцев до своей кончины преп. Сергей получил о ней откровение. Он созвал братию, передал управление обителью своему ученику, преп. Никону, и предался безмолвию. Перед кончиной он вновь собрал братию и обратился к инокам с наставлением пребывать в вере и единомыслии, сохранять чистоту душевную и телесную, любовь нелицемерную, удаляться от злых похотей и страстей, соблюдать умеренность в пище и питии, не забывать странничества, быть смиренными и избегать земной славы и суеты житейской. Преподобный причастился Святых Таин и тихо произнес: «В руце Твои предаю дух мой, Господи». При кончине от его тела разлилось несказанное благоухание, а лицо просияло небесным блаженством. Это было 25-го сентября 1392 года.

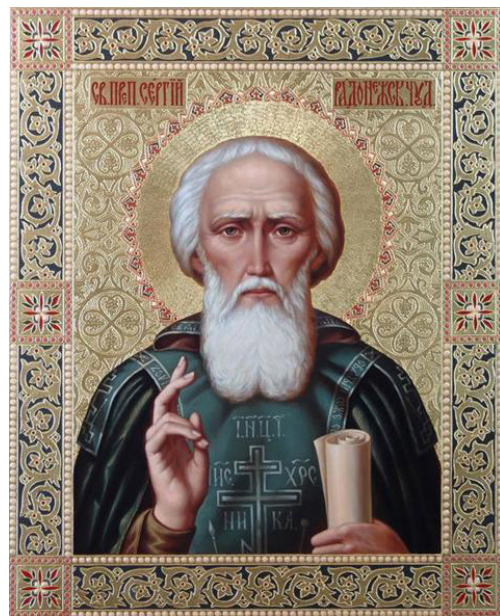
5-го июля 1422 года были открыты нетленными благоуханные мощи преподобного. Их положили в новую раку и поставили в деревянном храме, из которого перенесли в построенный преп. Никоном Троицкий собор, где они и доныне почивают, подавая утешение и исцеление всем, прибегающим к ним с верой.

Значение преподобного Сергея Радонежского (1319–1392)

Имя преподобного Сергея: это не только назидательная, отрадная страница нашей истории, но и светлая черта нашего нравственного народного содержания, — пишет В. О. Ключевский. Святой Сергей Радонежский — дух простоты и скромности, тихий отшельник, скромный игумен, наставник и утешитель. Какой же подвиг так освятил его имя?

Господь послал избранника Своего в тяжелое время не только внешнего порабощения нашей родины, но и внутреннего упадка, глубокого уныния и духовного распада. Преподобный родился во время татарского ига, когда еще во всех русских нервах до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием, принесшим не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергшее народ в мертвенное оцепенение. Чтобы наконец сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцев в ограду христианской Церкви, для этого самому русскому обществу должно было стать в уро-

вень столь высоких задач, приподнять и укрепить свои нравственные силы, принижённые вековым порабощением и унынием.

Вот этому нравственному воспитанию народа и посвятил свою жизнь преп. Сергий, применяя к этому делу средства нравственной дисциплины доступные и понятные всем людям — живой пример, наглядное осуществление нравственного правила. Он начал с самого себя и продолжительным уединением, исполненным трудов и лишений среди дремучего леса, готовился быть руководителем других.

Имя Сергия Радонежского «выступает из границ времени», — пишет профессор Ключевский, — потому-что дело, поднятое им, по своему значению далеко выходило за пределы своего века, и своим благотворным воздействием глубоко захватило жизнь дальнейших поколений. Это дело — укрепление русского государства под единой властью во времена братоубийственных междоусобиц, унижений и подчинения ханам, было исполнением завета, данного русской церковной иерархии святителем древней Руси митрополитом Петром, пророчески благословившим бедный тогда городок Москву как будущую церковную и государственную столицу русской земли.

Преп. Сергий не был политиком, как не был он и «князем Церкви»; он — учитель, ободритель, миротворец. В трудный же момент он благословляет князя Дмитрия на страшный бой за Русь Православную и даёт ему двух монахов-схимников — Пересвета и Ослябю. Схимники, одетые не в шлемы и панцири, а в монашеские одежды с белыми крестами, придают войску князя Дмитрия священно-крестоносный облик. Сам преподобный во время битвы молится в церкви и, видя ход боя, поминает павших.

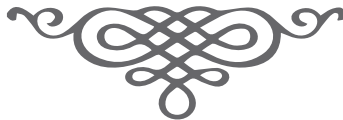
Почитая Живоначальную Троицу — Троицу Единосущную и Нераздельную, Которая является началом, истоком и родником жизни, преподобный строит храм Пресвятой Троицы. В нём он видит призыв к единству земли русской, по словам его жизнеописателя, Епифания, — «чтобы постоянным взиранием на него побеждать страх пред ненавистною раздельностью мира». Широкое гостеприимство, заповеданное преп. Сергием, дары всех родов, начиная от хлеба и кончая исцелением тел и душ, все это стало благоприятным условием для «взирания» на храм Пресвятой Троицы и созерцания в нём прообраза Божественного единства. С тех пор в русском православном представлении неразрывно соединены имена Святой Троицы и преп. Сергия. Русский народ не забыл того, кто научил его почитать Святую Троицу: вскоре после смерти преподобного на его родине был создан монастырь Святой Троицы и при главном храме его — придел преп. Сергия (Варницкий монастырь около Ростова). Можно даже сказать, стало правилом при Троицких храмах строить сергиевские приделы.

Троицкая же Лавра, основанная преподобным, стала духовным центром, сердцем русского православия. Ключевский в 1892 году писал: «...эти памятники питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чув-

ство есть чувство долга. Творя память преп. Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры преп. Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его». Пришло и такое время! Лавра была разорена и на многие годы закрыта когда «иных времен татары и монголы» полонили ее. Все сокровища были вывезены. В мощах преподобного копались (как и в других по всей советской России). Все было осмеяно, осквернено. Но вновь зажглись лампы над гробницей преподобного и в золотом блеске лежит Троице-Сергиева Лавра, напоминая о великом, бескорыстном, вдохновленном служении родине, о духовной высоте и преданности вере святого Сергия.

Для грядущих поколений преп. Сергей стал вечным спутником, путеводителем. «Немногие он речи говорил, но гораздо больше пример подавал братии своими делами», — повествует Епифаний о преп. Сергии. Он не оставил никаких писаний, но его духовный вклад в историю русской Церкви и русской культуры исключительно велик. Ученики преподобного, кроме обычных иноческих послушаний, получали благословение на особые церковные служения: книгописание, иконопись, храмостроительство. В древней записи о кончине преподобного он назван «начальником и учителем всем монастырям, иже в Руси». И действительно, не менее четверти русских монастырей основаны прямыми его учениками. Сам преп. Сергей за время своих ранних странствований, а дальше бесчисленные поколения его духовных детей, разносили с собою русское просвещение, русскую культуру, русскую идею, русский идеал, духовную красоту.

ЧУДО

(Рассказ)

— Понимаешь, больше никогда не было такой тишины, как в ту прохладную ночь. Роса проступала на красных щитах, шлемы от росы потускнели.

Тихо подошли дружины Александра Пересвета и Андрея Осляби. Иноки привели два полка монахов. Так по монгольским летописям.

Я точно вижу их, в черных мантиях и берестяных лаптях. Они стоят, опираясь на громадные в зазубринах мечи. Отроки высокими голосами читают молитвы. На аналоях потрескивают свечи.

— Ты так говоришь, точно и вправду видишь.

— Я еще вижу, как на самой заре стали поблескивать шлемы, как утренний ветер захлопал черным княжеским стягом с золотым Спасителем, и крест на вершине древка стал румяным.

А за рекой, за Доном, Непрядвой, всю ночь небо смутно светилось, и степь гудела от топота татарских табунов. На заре татарская конница с визгом кинулась в воду, еще в летучем пару, молочно-румяную. Мокрые, отфыркиваясь, как кони, татары вынеслись на русский берег. Куликовская битва началась. Она раскинулась на десять верст. Русская сила то выгибалась под вихрями татар, то разгибалась снова, как натянутый лук, и вот татары прорвали живую грудку красных щитов, золоченых шлемов. Русские бегут...

Но в засаде еще не тронута, еще свежа русская конница князя Владимира Серпуховского и воеводы Боброка. Я представляю князя Владимира старым, сине-зеленые волосы метет ему на сухое лицо, князь на гнедом коне. А воевода Боброк кажется мне очень молодым, светло-волосым, с прозрачными глазами, блистают его кольчужные рукавицы. Я представляю, как он горячил коня, упрашивая князя пустить конницу. Он, может быть, плакал от нетерпения. Но князь Владимир угрюмо ждал, когда татары откроют тыл.

И тогда князь ударил. Понеслись склоненные русские хоругви на красных древках.

Это, действительно, был удар двух грозowych туч, и блеск мечей и копий, как частые молнии. Вот когда решалась судьба русской земли.

И русская туча, выблискивая молниями, охватила тучу татарскую, смешалась с ней, рас-

секла в клочья, разметала, погнала, понесла. Куликовская битва стала Мамаевым побоищем. До самой Красивой Мечи русские гнали татар.

Это было наше древнее чудо, 8 сентября 1380 года. Русь на Куликовом поле сбила Степного Зверя, обломила ему рога.

Когда же по всей Руси журчали в потемках быстрые реки крови — по-настоящему журчали, — в Козельске, например, люди захлебывались в крови, когда Чингисхан и Батый во все концы Руси проложили мертвые дороги, — что могло стать с выпустошенной Русью?

Ее душа иссякла от мучительства и страха. Отлетел дух. Один холопский страх ордынский, рабья дрожь были оставлены живыми. Люди рождались, жили и умирали, как бледная нежить, в нестерпимом страхе перед ордой. Татарская ночь...

Русь светлая, радостная, в золотых венцах, с красными пирами, звонами, хмелем, охотами на буйтуров и удалыми князьями, была нечаянно застигнута татарскими полчищами, перевалившими Урал, и под татарами погасла. Легла замертво.

И вот тут-то и начинается. Тогда, я думаю, многие затаивались от ордынского страха в лесах. Ушел и он в пустыни лесные. Ты можешь представить себе, как он один, отрок, в тесном срубе выстаивал лесные вьюги?

— Ты о Сергии Радонежском?

— Да, и посмотри, во всех житиях о преподобном вначале и хлеб-то такой гнилой, что, когда ешь, изо рта идет пыль, и одежда так плесневевает, что расползается сукно, ржавую воду отказываются пить иноки, и коптящие лучины вместо свечей. Точно все в самой тьме, в сени смертной. И во тьме начинает сквозить тихий свет. Одни замечают, что свет исходит от рук преподобного, другие — что от креста и от риз и от причастной чаши; иноки видят двух святых ангелов, прислуживающих ему в алтаре; и вот самому Сергию на Маковице, у Троицы Живоначальной, является Мать Божия, осиянная светом сильнее солнечного.

Старые жития о Сергии полны рассказов о таком восхождении света из тьмы. Так его чувствовала Русь. Измученная, застрашенная, она увидела необыкновенный свет, восходящий из лесной чащи, и припала к нему, утоляя печаль свою.

В одном старом житии о Сергии сказано, что он рассыпал монастыри по Руси, как звезды по полунощному небу. Так и было. От Сергия началась Святая Русь, от его обительских братств. На Руси стало светать. А утро Руси — на Куликовском поле. И какой утренний свет был уже разлит по всем русским душам от бревенчатых келий Троицы, засыпанных сосновыми иглами и сухими листьями, и как было вдохновлено все, когда ветхий игумен Сергей склонился, наконец, к уху князя Дмитрия и шепнул ему:

— Ты победишь.

Именно так сказано в житиях преподобного: шепнул, вдохнул. Можно сказать — от его дуновения, от его шепота стала Русь. На Куликовом поле был сметен ордынский страх. Степной Зверь был ранен смертельно. Он еще будет кидаться, но он уже не страшен.

Вот это и есть чудо. И я хочу сказать, что чудо никогда не бывает внезапным. И наше древнее чудо не было внезапным. До Куликова поля прошли годы вдохновения Руси, Сергиева дуновения...

Я сижу на шатком балконе гостиницы за Пегамасом, в горах. Подо мной терраса деревенского кафе, увитая диким виноградом. От террасы в сухую траву падает желтоватая полоса света.

Сначала мне были неприятны русские голоса («опять русские»), потом я стал слушать невольно.

Два голоса. Говорит больше тот, кто постарше, а кто помоложе — соглашается изредка: «да, да», или «верно, конечно». У того, кто говорит, голос горячий и торопящийся. Так бывает. Затронет что-нибудь душу, и у самого неловкого и неречистого человека польется вдруг взволнованная речь. Внизу, может быть, отец и сын или братья-погодки. Я слушаю их, и русские голоса, и это торопливое «ты понимаешь» мне необыкновенно близки.

Ночь душная. Над головой в темном небе тени гор. От горной сухой духоты трудно дышать. Зарницы иногда пролетают совершенно бесшумные, голубоватые. В горах идет далекая гроза. Гром прокатывает в темном небе, невнятными низкими взрывами.

— А ты помнишь видения Сергия: демоны в островерхих шлемах? Ты представляешь себе, как звенели от стужи бревна его лесного сруба, как демоны, визжа, кидались на бревна, грызли, бросались в келью преподобного? «Уходи, уходи, или мы тебя разорвем»... Точно в самом начале Руси видел Сергей Радонежский конец ее: демонов в островерхих шлемах...

А перед концом была железная империя Николая Павловича с ее медными киверами, турами лосинами, придворными балами, львицами большого света, парадами, барабанами, победами, казармами, статуями, арестантскими ротами, академиями наук. Все захватывало дух своим студеным величием и во всем веяла страшная скука. Уже Пушкин и Лермонтов видели кругом одну мертвую пустоту, и вот, как приговор всему, «Мертвые души».

Но именно тогда, в нижегородских лесах, под Арзамасом, в маловедомой Саровской пустынке объявился инок Серафим, в миру — Прохор Мошнин, сын курского купца.

Есть странное сходство между Сергием Радонежским и Серафимом Саровским.

Серафима, как и Сергия, долго звали в монастыре плотником. И у Серафима был смирный

медведь. И от Серафима исходил тихий свет. И к нему в келию, в столпе света, приходила с небесной свитой Госпожа Богородица.

Только свет Сергия засквозил в самой тьме, в сени смертной, когда и хлеб-то гнилой, и ржавая вода, и расплзается монашеское сукно. Сергей, как свет утра в мертвую ночь.

А Серафим кажется светом вечерним, последним. Понимаешь, так бывает, когда нет уже солнца, и сумрак в вечернем воздухе, а одна дальняя стена еще белеет тепло... Преподобный Серафим точно сосредоточил в себе последний свет Святой Руси. И заметь: он всегда ходил в белом, в холщевой долгой рубахе, в белой монашеской камилавке. Светился.

Уже сумрак настал, уже веяло холодом ночи, а в Арзамасской пустыньке светился он дальним белым светом. И странно, что ни Пушкин, ни Гоголь не видели преподобного Серафима, кажется и не слышали о нем, и никогда не упоминают его имени. Прошли мимо, не коснулись. А шли рядом.

Тогда одни простые бабы-богомолки, окрестные мужики и кое-кто из помещиков да дивеевские монашки знали, что в Саровской пустыни, в самой чаще, на белом камне стоит и молится праведный белый старец Серафим. Он тысячу дней и тысячу ночей стоял на камне. Он все знал и все видел. Он видел конец России, тысячу дней и ночей молился за нее, а когда сошел с камня, сказал, что наступят в России такие времена, что ангелы не будут успевать принимать души человеческие.

И такие времена наступили. Какое рабство настало, страшнее татарского! Какая страшная ночь. Серафим Саровский, как последний отблеск света в ночном небе.

Но почему же такая полнота радости у Саровского старца, и как хорошо он приветствовал всех: «Радость моя, здравствуй, радость моя»? Я думаю потому, что он все видел. И он один оставил нам обетование, что после наших времен, когда ангелы притомились уже принимать замученные души человеческие, придут такие времена радости, воскресения, когда Россия запоет летом: «Христос Воскресе». Тому он и радовался.

Он один знал, что будет чудо, и он знал, как дойти России до чуда. Ведь он всегда учил одному, только одному: стяжанию Духа Святого.

Стяжание Духа. Тут смысл всего, что творится в России, и почему мы, эмигрантская братия, колотимся здесь. Отдать или не отдать дух Божий, предать или не предать в себе и в других человека, Сына Человеческого. Вокруг этого, именно этого, все кипит в мире. Одни предали.

Другие нет. В России, разве не чувствуешь, как миллионы живых сокровенно стоят в духе и не предали Духа Святого, а стяжали.

— Да, да, я понимаю. Потаенная Серафимова Россия. Да, дышит...

— А мы почему сюда ушли? Вот и мы с тобой, бедняки, беднее церковных крыс, бывшие студенты, бывшие пулеметчики, — мы кто? Мы потому ушли, что не могли и не хотели отдать своей совести, предать человека в себе и в других. Мы ради Духа Святого ушли. И духа не отдадим. Понимаешь, это каждому надо понять, пережить, что Бог, как сказано у апостола Павла, не в слове, а в силе. В силе Духа. В силе духа нам всем и надо жить и действовать. Только от нового христианского вдохновения и явится новая Россия. Одна дорога к обетованному Серафимову чуду: стяжание духа.

Понимаешь, Сергей и Серафим, они над всеми русскими временами. Свет Сергия наполнил Россию на многие века. Серафимов свет наполнит будущую Серафимову Россию...

Я спускаюсь по скрипучей лесенке вниз, чтобы узнать, кто они, чтобы сесть с ними и слушать — слушать еще. Зарницами освещает беленую стену, ступеньки. Низкие взрывы грома в горах стали грубее, внятнее.

На террасе, черноглазая девочка-служанка, с худым бледным личиком, укладывает зеленые стулья. Я заметил на столике две чашки, одна с недопитым кофе.

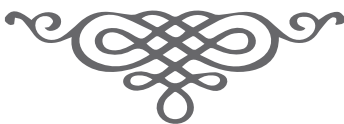
— Они ушли? — спросил я служанку.

— Да. Кажется, они тоже русские.

Я сошел в сад. Сухая трава шуршит от теплого ветра. Уже не слышно их шагов. Два голоса, может быть, они мне слышались?

Я постоял в темноте. На руку и на лицо упали крупные капли, они мне показались горячими. Те два голоса, русские, ушли в самую грозу.

Иван Лукаш (10 октября 1934 года)

БИБЛЕЙСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПЕРВЫХ ЛЮДЯХ

Манассия, царь иудейский

(Окончание)

В 647 г. до Р. Х. Самашукин, брат Ассирийского царя Ассурбанипала, наместник Вавилона, поднял восстание против своего брата-царя, и пригласил Манассию, царька полувассального по отношению к Ассирии, присоединиться к Вавилону в качестве союзника против Ассирии. В свою очередь, Манассия должен был вступить в переговоры с такими же полувассальными царьками финикийских городов-государств, привлекая их к союзу с Самашукином. Манассия согласился, но действовал нерешительно. Между тем, Ассурбанипал решительно вторгся в Вавилон, наголову разбил своего мятежного брата, и тот, боясь попасть в руки разгневанного и прославленного жестокостью повелителя-брата, сжег свой дворец и себя в нем. Ассурбанипал потребовал, чтобы Манассия явился к нему в Вавилон дать отчет о своих действиях.

Представители Ассирийского царя прибыли в Иерусалим.

Момент был решительным и зловещим. Царь Ассирийский, во главе своего победоносного, одушевленного успехом войска, находится в Вавилонии, в нескольких дневных переходах от Иудеи. Если Манассия не проявит покорности, Ассурбанипал, вторгшись в Иудею, пленит страну и Иерусалим. Едва ли Господь для Манассии повторит чудо, совершенное Им для Езекии. Если даже Манассия проявит покорность, то, может быть, эта участь минует его страну, но лично для него надежды нет почти никакой. И тут Манассия впервые проявляет проблески добра и мужества. 59-летним человеком, на пороге старости, он соглашается без сопротивления идти к царю Ассирийскому.

Посланцы царя Ассирийского не церемонились с ним. Они заковали Манассию в кандалы и оковали его цепями и отвели в Вавилон.

Об этом событии говорят и ассирийские летописи. Перечисляя царей, побежденных Ассурбанипалом, они называют и «Менассе, царя Ягуду».

В этом плену Манассия провел несколько лет, сколько точно мы не знаем, но никак не менее пяти лет.

Святая Библия повествует: «В тесноте своей он стал умолять Господа Бога своего и глубоко смирился пред Богом отцов своих. И молился Ему, и Бог преклонился к нему и услышал моление его и возвратил его во Иерусалим» (2 Цар. 33, 12–13).

Молитва его, сложенная им в плену, дошла до нас, но не в еврейском подлиннике, который был утрачен, а в древне-греческом переводе, однако и в еврейском Священном Писании есть упоминание о ней.

Она потрясающа по своей силе. Приведем ее в русском тексте, дословно передающем греческий текст:

Господи Вседержителю, Боже отец наших Авраама, Исаака и Иакова, и семени их праведного, сотворивший небо и землю со всем благолепием их, связавший море словом повеления Твоего, заключивший бездну и запечатавший ее страшным и славным именем Твоим, которого все боятся и трепещут от лица силы Твоея, потому-что никто не может устоять пред великолепием славы Твоея, и нестерпим гнев прещения Твоего на грешников. Но безмерна и неизследима милость обетования Твоего, ибо Ты Господь Вышний, благой, долготерпеливый и многомилостивый, и кающийся о злобах человеческих. Ты, Господи, по множеству Твоей благости обещал покаяние и отпущение согрешившим Тебе, и множеством щедрот Твоих определил покаяние грешникам во спасение. Итак Ты, Господи Боже праведных, не положил покаяние праведным Аврааму, Исааку и Иакову, не согрешившим Тебе, но положил покаяние мне грешному, потому-что я согрешил паче песка морского. Многочисленны беззакония мои, и я недостоин взирать и смотреть на высоту небесную от множества неправд моих. Я скован многими узами железными, так-что не могу поднять головы моей, и нет мне отдохновения, потому-что прогневал Тебя и сделал пред Тобою злое: не исполнил воли Твоей, не сохранил повелений Твоих, поставил мерзости и умножил соблазны. И ныне преклоняю колена сердца моего, умоляя о Твоей благости. Согрешил я, Господи, согрешил и беззакония мои я знаю. Но прошу молясь Тебе: отпусти мне, Господи, отпусти мне и не погуби меня с беззакониями моими, и не осуди меня в преисподнюю. Ибо Ты Бог, Бог кающихся, и на мне яви всю благость Твою, спаси меня недостойного по великой милости Твоей, и буду прославлять Тебя во все дни жизни моей, потому-что Тебя славят все силы небесные, и Твоя слава во веки веков. Аминь.

Из многих исторических источников, повествующих о тех временах, мы знаем о десятках и сотнях тысяч пленников, страдавших в жесточайшем ассирийском плену. Редко какой народ, даже в языческой древности, имел такую ненасытную жажду мучительства и убийств. «У него на сердце — разорить и истребить множество народов», — говорит об Ассирии пророк Исаия. Ассирийцев называет он «народом свирепым». А св. пророк Наум называет столицу Ассирии Ниневию «город кровей, весь он полон обмана и убийств».

И до нас дошли во множестве гордые и свирепые заявления ассирийских царей о том, сколько стран они разорили, сколько городов разрушили, сколько людей убили, ослепили, увели в плен. Они хвалятся своей жестокостью, своей беспощадностью, бесчеловечностью. Этими же хвастливыми памятниками полны современные музеи и коллекции исторических достопримечательностей.

Между тем, голос их жертв, тех, кого они пленяли и мучили, почти не слышен, он не доходит до нас, заглушенный не только протекшим множеством веков, но и тем, что вероятно никто

не вышел живым из ассирийского плена, чтобы рассказать о своих и своих сотоварищей страданиях, за одним единственным исключением: за исключением приводимой тут молитвы царя Манассии. И потому мы можем сказать, что в ней он говорит не только за себя, но и за сотни тысяч тех, кто, как он, томился в страшных ассирийских узилищах. Больше того, он говорит и за миллионы иных пленников до нынешних включительно.

Когда он говорит: «я скован многими узами железными, так-что не могу поднять головы моей, и нет мне отдохновения», — он говорит не в переносном смысле. Он говорит о действительном физическом своем состоянии, когда он не мог поднять свою голову, прикрученную железными цепями и кандалами. И, наоборот, лишь фигурально мог он сказать, что «преклоняет колена сердца своего», — телесных колен не мог он преклонить на молитву в это время.

Для нас же, как и для всех читателей его потрясающей молитвы, в этих конкретных его образах заключается важный и глубокий фигуральный смысл, потому-что грех связывает и сковывает человека не менее жестоко, чем ассирийские тюремщики.

Возвратившись в Иерусалим, Манассия постарался по мере возможности загладить причиненное им зло. «И узнал Манассия, что Господь есть Бог... И низверг чужеземных богов и идолов из дома Господня, и все капища, которые соорудил на горе Господней и в Иерусалиме, выбросил их за город. И восстановил жертвенник Господень и принес на нем жертвы мирные и хвалебные, и сказал иудеям, чтобы они служили Господу Богу Израилеву» (2 Цар. 33, 13–16).

Почему ассирийцы помиловали его, вопреки своим обычаям, мы сказать не можем. Может быть, не завоевавши Иудеи, они сочли более разумным посадить на иерусалимском престоле человека, видевшего их мощь и потрясенного их жестокой силой. И мы можем догадываться, что воле Божией было угодно вывести из страшного плена этого тяжело согрешившего и пламенно покаявшегося царя, чтобы он поведал миру о своем опыте и передал всем кающимся поколениям свою огненную молитву, показав на своем примере насущно нужную для всех людей истину о том, что Божию всепрощению нет предела, и что никогда ни для кого не закрыты двери покаяния.

Внесенная в чин Великого Повечерия и помещенная во всех христианских часословах, читаемая в православных церквях ежедневно Великим Постом и многожды в прочее время года, отозвавшаяся благодаря этому в сотнях миллионов сердец, эта молитва Манассии, царя Иудейского, сложенная в смрадном мраке ассирийской темницы, звучит, конечно, бесконечно громче всех хвастливых памятников ассирийских властителей, поверхностно вспоминаемых лишь на несколько минут посетителями музеев и составителями исторических коллекций, свидетельствуя тем, что сила Божия в немощи совершается от лет древних до нынешних.

Архиепископ Нафанаил (Львов)

ТРИ СЕСТРЫ

Горя, страдания, отчаянья полны
Моря житейского бурные волны,
Брызги их — слезы и кровь!
Но человеку в юдоли томленья
Чудные сестры даны в утешенье:
Вера, Надежда, Любовь!

Первая с доле суровой, унылой
К людям приходит могучею силой,
Светом небесным полна.
И, ободряя унылых душою,
Вера приносит им бодрость с собою,
Гонит сомненья она.

В жизни суровой, в тоске безысходной
Светит вторая звездой путеводной,
Эта звезда нас ведет.
Смотрим вперед мы с надеждой смелее,
Темная даль и ясней, и светлее,
Легче нам бремя невзгод.

Третья сестра это — Божье дыхание.
С ней не страшны никакие страдания.
Храм ее — наши сердца!
В ней сострадание, жалость, участие,
В ней красота всепрощенья и счастья,
Царство любви без конца!

— *Свщмч. Фаддей (Успенский)*

